

Научная статья
УДК 316.722 (304.2)
DOI: 10.20323/1813-145X-2025-5-146-220
EDN: CXANGV

Городское воображаемое как культурологический концепт

Елизавета Ивановна Спешилова

Старший преподаватель кафедры культурологии, научный сотрудник, заместитель главного редактора Центра развития публикационной активности, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
e.speshilova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7859-3526>

Аннотация. В статье анализируется городское воображаемое в контексте культурологии города. Цель исследования – выявить эвристический потенциал концепта «городское воображаемое», который определяется как комплекс общезначимых представлений о городе, возникающих в конкретном историческом времени и культурном пространстве. Методологическая основа исследования представлена концепцией производства пространства Анри Лефевра и теорией трёх пространств Эдварда Соджи. Кроме того, в статье рассматриваются различные варианты интерпретации городского воображаемого – антропологический, социологический и семиотический. Аргументируется тезис о том, что семиотический подход к городскому воображаемому является интегральным, то есть объединяет антропологический и социологический подходы, поскольку позволяет анализировать как авторские, личные оптики осмысления городской среды, так и коллективно закреплённые смыслы, связанные с конкретным городом. Показывается, что принципиально значимым в перспективе детализации научного дискурса, посвящённого urban imaginary, является выявление культурологических координат, которые структурируют городское воображаемое. В качестве таких координат детально анализируются бинарные оппозиции «индивидуальное/коллективное», «внутреннее/внешнее», в рамках которых разворачивается формирование различных представлений о городе. Введение в культурологический дискурс концепта «городское воображаемое», обозначающего комплекс ментальных, образных и символических репрезентаций городской среды, которые формируют интегральный образ города, даёт возможность акцентировать внимание исследователей на феномене коллективно устанавливаемого смысла города и его культурных вариациях, что, в свою очередь, позволяет выявить уникальность конкретного города сквозь призму изучения коллективных представлений о нём.

Ключевые слова: культурология города; городское воображаемое; символическое пространство; место; город как культурный проект; семиотика города

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-00672 «Культурный код города: человек, история, идентичность», <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>.

Для цитирования: Спешилова Е. И. Городское воображаемое как культурологический концепт // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 5 (146). С. 220–227. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-5-146-220>. <https://elibrary.ru/CXANGV>

Original article

Urban imaginary as a concept in cultural studies

Elizaveta I. Speshilova

Senior lecturer at department of culturology, research fellow, deputy editor-in-chief of Center for development of publication activity, Yaroslav-the-Wise Novgorod state university. 173003, Veliky Novgorod, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya st., 41
e.speshilova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7859-3526>

Abstract. The article analyzes the urban imaginary in cultural studies of the city. The purpose of the study is to identify the heuristic potential of «urban imaginary» concept, which is defined as a complex of universally accepted ideas about the city that emerge in a specific historical time and cultural space. Henri Lefebvre's concept of the production of space and Edward Soja's theory of third spaces provide the methodological framework for this research. In addition, the article

examines various options for interpreting the urban imaginary – anthropological, sociological, and semiotic. The author argues that the semiotic approach to the urban imaginary is integral, i.e., it combines anthropological and sociological approaches, since it allows for the analysis both personal ways of understanding urban space and collectively fixed meanings associated with a particular city. The identification of the cultural coordinates that structure the urban imaginary is fundamentally significant in the perspective of detailing the relevant scientific discourse. The binary oppositions «individual/collective», «internal/external», which determine the formation of various ideas about the city, are analyzed in detail as such coordinates. The introduction of the «urban imaginary» concept, which denotes a complex of mental, figurative and symbolic representations of the urban space that form the integral image of the city, into the cultural studies makes it possible to focus the attention of researchers on the phenomenon of the collectively established meaning of the city and its cultural variations, which, in turn, allows to identify the uniqueness of a particular city through the prism of studying collective ideas about it.

Key words: urban cultural studies; urban imaginary; symbolic space; place; city as cultural project; urban semiotics

The research was funded by the Russian Science Foundation, project № 24-18-00672 «City's cultural code: people, history, identity», <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>.

For citation: Speshilova E. I. Urban imaginary as a concept in cultural studies. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (5): 220-227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-5-146-220>. <https://elibrary.ru/CXAHGV>

Введение

Исследования, анализирующие роль воображения в осмыслении города, а также интегрирующие концепт «городское воображаемое» (англ. urban imaginary) в свой научный тезаурус, становятся всё более заметными в российском академическом дискурсе в последние годы [Абашев, 2024; Федотова, 2018; 2024]. Несмотря на то, что концепт «городское воображаемое» возник и получил широкое распространение прежде всего в зарубежном академическом поле [Huysen, 2008; Perry, 2012; Lindner, 2019; Bonakdar, 2021], постепенно определяется место данного концепта в нашей философско-культурологической традиции изучения городов, среди таких более привычных и знакомых понятий, как образ города [Мельникова, 2016], культурный код города [Аванесов, 2024, с. 161–170], городская идентичность [Горнова, 2019] и так далее.

Актуальность дискурса о *городском воображаемом* во многом обусловлена развитием интернет-коммуникаций, цифровых технологий, виртуальной реальности, а также усилением роли образности в восприятии городов. В своём опыте человек реально взаимодействует с довольно ограниченным числом городских пространств, однако при этом имеет вполне определённые представления о многих других городах, которые сформированы на основе их культурных репрезентаций в литературе, искусстве, кинематографе, музыке, средствах массовой информации, цифровой среде и других медиаресурсах. Более того, даже при формировании образа самого близкого, своего города, то есть экзистенциально значимого места проживания, мы ориентируемся не просто на рецепцию отдельных, чувственно воспринима-

емых городских локаций, но на то символическое пространство, которое их сопровождает, на «универсум представлений, который перекрывает физический город», иначе говоря – на *городское воображаемое* [Линднер, 2019, с. 105].

Раннее в своих исследованиях мы выявили теоретические истоки концепта «городское воображаемое» и изучили способы его осмысления в зарубежных научных трудах [Спешилова, 2023; 2025]. В представленной статье мы рассмотрим основные характеристики концепта «городское воображаемое», сфокусируем внимание на его эвристическом потенциале в контексте культурологии города, а также проанализируем различные варианты интерпретации городского воображаемого – антропологический, социологический и семиотический. С нашей точки зрения, принципиально значимым в перспективе детализации научного дискурса, посвящённого urban imaginary, является выявление тех культурологических координат, которые структурируют городское воображаемое.

Методология исследования

Общетеоретические рамки исследования определяются интерпретацией воображения как творческой, ментальной способности человека, играющей значимую роль в процессе познания, которое понимается в постнеклассической науке не просто как отражение реальности, но как конструирование образа реальности с учётом социокультурной детерминации [Стёпин, 2009, с. 293]. В этом контексте воображаемое как результат процесса воображения рассматривается в качестве феномена культуры [Суворов, 2016], или, точнее, в качестве самостоятельно существующей, творящей и хранящей смыслы культуры

системы [Конева, 2016, с. 52], то есть символического пространства, которое определяет образ познаваемого объекта, формирует его идентичность и в конечном счёте оказывает влияние на отношение субъекта к нему. Важным аспектом так понимаемого воображаемого становится включение и образного, и смыслового слоя; иначе говоря, воображаемое имеет не только визуальное, но и вербальное измерение и существенно отличается от понятий иллюзорного, мнимого и фантастического.

Методологической основой исследования городского воображаемого является концепция производства пространства Анри Лефевра [Lefebvre 1974] и теория трёх пространств Эдварда Соджи [Soja 1996; 2000]. Кроме того, поскольку рассмотрение городского воображаемого предполагает анализ универсума представлений и тех смыслов, которые в нём содержатся, применяется семиотический подход к культуре и городу [Barthes, 1997; Лотман, 1999; Эко, 2006].

Результаты исследования

Городское воображаемое: дефиниция концепта

Город как культурный феномен представляет собой не только пространство архитектурных сооружений, путей и узлов, но и символическую область образов и смыслов, определяющих его уникальность и исключительность. Культурный поворот в гуманитарных и городских исследованиях [Митин, 2011] показал, что сфера символического оказывает существенное влияние на трансформацию социальных и пространственных городских структур, позволяет переосмыслить их, сделать частью жизненного мира человека или, напротив, исключить из повседневных практик.

Опираясь на концепцию Анри Лефевра, подчеркнём, что производство пространства, в том числе городского, обусловлено тремя аспектами: пространственными практиками, репрезентациями пространства и пространствами репрезентации [Лефевр, 2015, с. 51–52]. Другими словами, город определяется материально воспринимаемыми конфигурациями объектов, теоретическими концепциями, а также представлениями, наполненными символическими образами и значениями, связанными с городской средой. Именно последние относятся к *городскому воображаемому*.

Эдвард Соджа, развивая идеи Анри Лефевра, отмечает три вектора теоретического осмысления городской среды [Soja, 2000, р. 10–11]: город

как первое, реальное пространство – это определённые физические объекты и воспринимаемые пространственные практики; город как второе, воображаемое пространство – это ментальные образы и представления о нём; и, наконец, город как третье, проживаемое пространство является одновременно реальным и воображаемым, объективно данным и субъективно осмысливаемым местом экзистенциальной реализации личности.

Представления о городе, или ментальные репрезентации городской среды, то есть *городское воображаемое*, с одной стороны, содержат бесконечное и гетерогенное пространство значений, некое неопределённое и в принципе не определяемое множество, всех членов которого невозможно ясно идентифицировать [Касториadis, 2003, с. 422]. Однако, с другой стороны, среди всего этого множества значений, которые характеризуют конкретную городскую среду, можно выделить те, что являются общепризнанными, интересубъективными и ключевыми для определённой территории. В этом отношении городское воображаемое можно определить как множество общезначимых представлений о городе, возникающих в конкретном историческом времени и культурном пространстве и, в итоге, определяющих его (города) образ. Другими словами, городское воображаемое представляет собой совокупность ментальных, образных и символических репрезентаций городской среды, которые формируют интегральный образ города. В качестве примеров фиксации *городского воображаемого* можно привести репрезентации города в художественной литературе, искусстве или кинематографе, которые отражают различные представления о городе и впоследствии порождают новые городские маршруты и знаковые места.

Городское воображаемое как феномен культуры: семиотический подход

Канадский исследователь Пьер Делорм, рассматривая историю развития темы *l'imaginaire urbain*, справедливо пишет о том, что *городское воображаемое* нередко используется в научных работах весьма метафорично и в зависимости от контекста может обозначать что угодно [Delorme, 2005]. Безусловно, для использования термина не в роли научной метафоры, а в качестве концепта, заполняющего реально существующую лауну в изучении какого-либо явления, требуется определить его, задать такие характеристики, которые будут отличать его от всего остального. С. А. Аскольдов пишет, что «концепт есть мысленное образование, которое

замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 269], а С. Ю. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, с. 43]. Городское воображаемое как культурологический концепт сосредотачивает в себе множество образов и смыслов, характеризующих культурные особенности конкретной городской территории.

Семиотика в целом и семиотика города в частности позволяет провести методологические дистинкции в отношении того, что следует относить к городскому воображаемому, благодаря различению денотации и коннотации [Эко, 2006]. Всё, что относится к области денотации, то есть определяет город прямо и буквально (исторические факты, географические, экономические и демографические параметры) не является *городским воображаемым*. Всё, что относится к области коннотации, то есть обозначает город символически, аксиологически, эстетически (в художественных произведениях, изобразительном искусстве и пр.), можно отнести к *городскому воображаемому*. Например, представление о том, что Санкт-Петербург – это город, основанный в 1703 году Петром I, не относится к области воображаемого, поскольку отражает конкретный исторический факт, тогда как представление о том, что Санкт-Петербург – культурная столица России или Северная Венеция, относится уже к коннотативной сфере и, следовательно, является частью *городского воображаемого*, поскольку фиксирует конкретные культурные смыслы, связанные с Санкт-Петербургом. Равным образом мы можем использовать различие денотации и коннотации при описании иных территориальных образований, например, при изучении русской провинции имеют значение не столько географические параметры, сколько социокультурные, художественно-образные и ментально детерминированные признаки [Злотникова, 2019].

Кроме того, при рассмотрении городского воображаемого важно учитывать, кто является субъектом воображения – индивид или сообщество. Акцент на личном, персональном осмыслении городской среды в контексте её аксиологической, эстетической и экзистенциальной значимости для субъекта подразумевает антропологический подход. В этом случае мы выявляем то, как именно конкретный человек воображает тот или иной город, как он его интерпретирует (как место личной реализации, территорию комфорта

или экономической выгоды и пр.) и как выстраивает в этом городе свою жизненную стратегию. Изучение того, как город воображается определённым сообществом, то есть коллективно, происходит в контексте социологии культуры. При этом фокусируется внимание на тех образах и смыслах города, которые конструируются в рамках конкретной культуры и конкретного сообщества, а также на тех социальных практиках, которые свойственны той или иной городской локации. С нашей точки зрения, семиотический подход к городскому воображаемому является интегральным, то есть объединяет антропологический и социологический подходы, поскольку позволяет анализировать как авторские, личные оптики осмысления городской среды, так и коллективно закреплённые значения того или иного места. «Город по существу и семантически является местом нашей встречи с другим» [Barthes, 1997, p. 171], знаковым пространством, в котором пересекаются разнообразные оптики, и именно семиотика даёт возможность понять скрытые смыслы, закодированные в городской среде, и выявить городское воображаемое.

Культурологические координаты городского воображаемого

В условиях междисциплинарности и многосторонности дискурса о *городском воображаемом* особенно ценными становятся конкретизация, систематизация и выявление тех «координат», которые задают структуру *воображаемого*. По аналогии с тем, как А. В. Конева, опираясь на работу «Антропологические структуры воображаемого» Жильбера Дюрана [Durand 1963], выделяет ряд координат социального воображаемого, в которых «разворачивается “игра” коллективных представлений»: «пространство/время, тождество/различие, верх/низ, собственное/чуждое, мужское/женское, возможное/пережитое» [Конева, 2016, с. 58], мы предлагаем определить некоторые культурологические координаты *городского воображаемого*.

Индивидуальное / коллективное. Прежде всего, как мы ранее отметили, городское воображаемое может быть индивидуальным или коллективным. В своём ключевом произведении «Неместа. Введение в антропологию гипермодерна» Марк Оже показывает, что в «пространственных структурах <...> сочетаются темы личного и коллективного» [Оже, 2017, с. 68]. Городское пространство является точкой взаимодействия индивидов, в которой реализуются те или иные индивидуальные и коллективные практики.

Именно человек или сообщество, осмысляя территорию в контексте определённого символического порядка и формируя эмоциональную привязанность к ней, превращает абстрактное пространство в коллективно или персонально значимое место. Иначе говоря, человек или сообщество воображает пространство в рамках конкретной культуры, вписывает пространство в определённую систему координат (опасное/безопасное, спокойное/тревожное и т. д.) и таким образом осваивает его, то есть преобразовывает пространство в место. С точки зрения М. Оже, антропологическое место – это конкретная и символическая конструкция пространства, которая является «смыслоорганизующим принципом» для тех, кто это пространство населяет [Оже, 2017, с. 57–58]. Такая символическая конструкция определяет *уместность* тех или иных действий в рамках некоторой территории и выражает опыт соотнесения человека с миром. Место пронизано воображаемыми значениями, наполнено знаками и символами, в нём отражаются идеи, память о прошлом и различные приметы, которые могут считываться жителями и расшифровываться внешними наблюдателями, обладающими соответствующим кодом для чтения пространственного текста. В этом отношении город в целом, безусловно, представляет собой место, даже несмотря на то, что отдельные его локации могут быть лишены семантической нагрузки.

Внутреннее / внешнее. Теоретически важным моментом для структурирования городского воображаемого является проведение различия между репрезентациями пространства, созданными изнутри – жителями конкретной территории, и репрезентациями, созданными извне – например, путешественниками, художниками или писателями, которые могут быть знакомы с территорией или на основе ограниченного опыта, или вовсе только на основе других культурных дискурсов. Говоря о воображении территорий, Д. Шартье показывает, например, что Север является результатом двойного восприятия, в котором внешние, западные репрезентации являются доминирующими и представляют Север не столько «местом», сколько «пространством», выделяя такие его характеристики, как холод, безжизненность, изолированность, пустота, и игнорируя реальный жизненный опыт людей, проживающих на этой территории [Chartier, 2018]. При этом внешний и внутренний дискурсы о Севере оказываются почти автономными: одномерные представления о Севере как о далё-

ком, нежилом и замороженном белом мире, который служит источником ресурсов, совершенно не учитывают представления о Севере коренных народов.

Ярким примером различия между *городским воображаемым*, сконструированным внешними акторами, и тем, что произведено самими жителями, является *городское воображаемое* Челябинска. Извне Челябинск воображается как суровый и индустриальный город, тогда как сами горожане, особенно деятели искусства, корректируют этот стереотипный образ, формируя представление о Челябинске как о пространстве творчества [Канищева, 2025; Шлемова, 2025] со своими уютными, тёплыми локациями, наполненными позитивными культурными смыслами. В связи с этим стоит отметить необходимость усложнять городское воображаемое различных территорий и применять подход, который будет учитывать не просто существующие клише, описывающие тот или иной город, но и гуманитарные, культурные аспекты данной территории, важные для самих жителей.

Иные культурологические координаты городского воображаемого разворачиваются в рамках таких бинарных оппозиций, как *свой/чужое*, *вербальное/визуальное*, *позитивное/негативное*, которые требуют отдельного углубленного рассмотрения. В рамках данного исследования дополнительно подчеркнём только то, что, хотя сам концепт «городское воображаемое» сформировался в зарубежной научной традиции, на наш взгляд, он может вполне успешно интегрироваться в контекст нашей отечественной традиции культурологического осмысления города. В классических для российской культурологии трудах звучала тема воображения в отношении понимания города, хотя сам термин городское воображаемое долгое время, конечно, не использовался. Так, Н. П. Анциферов, в монографии «Душа Петербурга» писал о художественном воображении, благодаря которому, несмотря на различие авторов и школ, формировался определённый образ Петербурга [Анциферов, 1922]. М. С. Каган, рассматривая своеобразие культуры российских городов, разграничивал три сферы: материальную культуру, художественную культуру и духовную культуру, которая объединяет три основные формы духовного освоения человеком действительности – ее познание, ее ценностное осмысление, ее идеальное (проективное) преобразование силою воображения [Каган, 2006]. Рост числа современных российских исследова-

ний, успешно применяющих концепт «городское воображаемое», свидетельствует о том, что эта тема становится всё более органичной для отечественной культурологии города.

Заключение

Проведённое нами исследование позволяет считать, что эвристический потенциал концепта «городское воображаемое» заключается в акцентировании внимания исследователей на феномене коллективно устанавливаемого смысла города и его культурных вариациях, что позволяет выявить уникальность конкретного города сквозь призму изучения коллективных представлений о нём. Важным аспектом городского воображаемого становится включение не только образного, но и смыслового слоя. Воображение как высшая способность разума создаёт идеи, или смыслообразы [Голосовкер, 2012, с. 57], которые определяют наше отношение к конкретному явлению и, в частности, к городской среде.

Представленное в статье определение «городского воображаемого» демонстрирует, что этот концепт существенно отличается по своему содержанию от понятий мнимого, фантастического, фиктивного и тесно ассоциируется с понятиями ментального и символического. Воображение – это не просто формирование некоторого визуального образа объекта, но познавательная способность, направленная на осмысление реальных явлений во всей их полноте, выходящей за пределы чувственной данности. Культурологическое значение воображения в рамках городских исследований состоит в том, что оно позволяет рассматривать городскую действительность не как хаотичный набор дискретных фактов, а как культурный феномен, как жизненный мир, наполненный смыслом, ценностью и значимостью для человека.

Библиографический список

1. Абашев В. В. Воображая Пермь // ПЕРММ. Музей современного искусства : сайт. URL: <https://permm.ru/~vladimir-abashev-voobrazhaya-perm> (дата обращения: 12.08.2025).
2. Аванесов С. С. Город как культурный проект. Москва : Индрик, 2024. 256 с.
3. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Петербург : Брокгауз–Ефрон, 1922. 227 с.
4. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Москва : Academia, 1997. С. 267–279.
5. Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. Москва : Академический проспект, 2012. 318 с.
6. Горнова Г. В. Городская идентичность: фило-софско-антропологические основания. Омск : Амфора, 2019. 167 с.
7. Злотникова Т. С. Провинциальный дискурс русской культуры // Философские науки. 2019. Т. 62, № 11. С. 14–26. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26>.
8. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры: история Санкт-Петербурга от основания до наших дней, постижение прошлого, осмысление настоящего, взгляд в будущее. Санкт-Петербург : Паритет, 2006. 477 с.
9. Канищева Е. В. Образ города в нарративах деятелей искусства (на материале челябинского текста) // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2025. Т. 5, № 1. С. 70–78. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-70-78](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-70-78).
10. Касториадис К. Воображаемое установление общества / пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. Москва : Гнозис ; Логос, 2003. 480 с.
11. Конева А. В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 51–59.
12. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. Москва : Strelka Press, 2015. 432 с.
13. Линднер Р. Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике / пер. с нем. К. Левинсона // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. С. 101–116.
14. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
15. Мельникова С. В. Образ города и его функционирование в культурно-историческом контексте: к постановке проблемы (на примере Екатеринбурга) / С. В. Мельникова, О. С. Поршнева // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. № 11 (4). С. 166–172.
16. Митин И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Литературно-философский журнал. 2011. № 1. С. 62–73.
17. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А. Ю. Коннова. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.
18. Спешилова Е. И. Urban imaginary в контексте исследований городской среды // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 4 (38). С. 60–79.
19. Спешилова Е. И. Культурное пространство города: перекрестья социального и географического воображения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 1. С. 105–113.
20. Степанов С. Ю. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Москва : Академический проект, 2001. С. 43–80.
21. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика:

философия, наука, культура. Санкт-Петербург : Издательский дом «Миръ», 2009. С. 249–295.

22. Суворов Н. Н. Наступление воображаемого: воображаемое как феномен культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 2 (27). С. 73–81.

23. Федотова Н. Г. Urban imaginary как символический капитал города // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 228–233. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-20033>.

24. Федотова Н. Г. Православные образы в городском воображаемом Великого Новгорода // Визуальная теология. 2024. Т. 6, № 2. С. 368–381. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-368-381>.

25. Шлемова Н. Н. Цифровые формы репрезентации символических кодов Челябинска // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2025. Т. 5, № 1. С. 115–130. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-115-130](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-115-130).

26. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург : Symposium, 2006. 544 с.

27. Barthes R. Semiology and the urban // Rethinking architecture. London, New York: Routledge, 1997. P. 158–164.

28. Bonakdar A., Audirac I. City Planning, Urban Imaginary, and the Branded Space: Untangling the Role of City Plans in Shaping Dallas's Urban Imaginaries // Cities. 2021. 117. 103315.

29. Chartier D. Qu'est-ce que l'imaginaire du Nord? Principes éthiques // Montréal et Harstad (Norvège), Imaginaire Nord et Arctic Arts Summit, coll. «Isberg». 2018. P. 157–160.

30. Delorme P. De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain // La ville autrement. Québec : Presses de l'Université du Québec, 2005. P. 9–27.

31. Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris : Presses universitaires de France, 1963. 550 p.

32. Huyssen A. (Ed.). Other Cities, Other Worlds. Urban Imaginaries in a Globalizing Age. Durham : Duke University Press, 2008. 336 p.

33. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris : Anthropos, 1974. 485 p.

34. Lindner Ch., Meissner M. (Eds.). The Routledge Companion to Urban Imaginaries. Ed. by. London, New York : Routledge, 2019. 480 p.

35. Perry N. Ethnography of a Concept: Rethinking the Urban Imaginary // Hidden Cities: Understanding Urban Popcultures. Oxford : Inter-Disciplinary Press, 2012. P. 73–83.

36. Soja E. W. Thirdspace. Journey to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Blackwell Publishing, 1996. 334 p.

37. Soja E. W. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Blackwell Publishing, 2000. 462 p.

Reference list

1. Abashev V. V. Voobrazhaja Perm' = Imagining Perm // PERMM. Muzej sovremennogo iskusstva : sajt.

URL: <https://permm.ru/~vladimir-abashev-voobrazhaya-perm> (data obrashhenija: 12.08.2025).

2. Avanesov S. S. Gorod kak kul'turnyj proekt = City as a cultural project. Moskva : Indrik, 2024. 256 s.

3. Anciferov N. P. Dusha Peterburga = Soul of St. Petersburg. Peterburg : Brokgauz–Efron, 1922. 227 c.

4. Askol'dov S. A. Koncept i slovo = Concept and word // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Moskva : Academia, 1997. S. 267–279.

5. Golosovker Ja. Je. Imaginativnyj absoljut = Imaginative absolute. Moskva : Akademicheskij prospekt, 2012. 318 s.

6. Gornova G. V. Gorodskaja identichnost': filosofsko-antropologicheskie osnovanija = Urban identity: philosophical and anthropological foundations. Omsk : Amfora, 2019. 167 s.

7. Zlotnikova T. S. Provincial'nyj diskurs russkoj kul'tury = Provincial discourse of Russian culture // Filosofskie nauki. 2019. T. 62, № 11. S. 14–26. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-11-14-26>

8. Kagan M. S. Grad Petrov v istorii russkoj kul'tury: istorija Sankt-Peterburga ot osnovanija do nashih dnei, postizhenie proshlogo, osmyslenie nastojashhego, vzgljad v budushhee = Grad Petrov in the history of Russian culture: the history of St. Petersburg from the foundation to the present, comprehending the past, understanding the present, looking into the future. Sankt-Peterburg : Paritet, 2006. 477 s.

9. Kanishheva E. V. Obraz goroda v narrativah dejatelej iskusstva (na materiale cheljabinskogo teksta) = The image of the city in the narratives of artists (based on the material of the Chelyabinsk text) // Urbis et Orbis. Mikroistorija i semiotika goroda. 2025. T. 5, № 1. S. 70–78. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-70-78](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-70-78).

10. Kastoriadis K. Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva = Imaginary establishment of society / per s fr. G. Volkovoj, S. Ofertasa. Moskva : Gnozis ; Logos, 2003. 480 s.

11. Koneva A. V. Ponjatje i struktura social'nogo voobrazhenija = Concept and structure of social imagination // Voprosy filosofii. 2016. № 5. S. 51–59.

12. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva = Space production / per. s fr. I. Staf. Moskva : Strelka Press, 2015. 432 s.

13. Lindner R. Tekstura, voobrazhaemoe, gabitus: ključevye ponjatija kul'turnogo analiza v urbanistike = Texture, imaginary, habitus: key notions of cultural analysis in urbanism / per. s nem. K. Levinsona // Sobstvennaja logika gorodov: Novye podhody v urbanistike. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. S. 101–116.

14. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija = Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 464 s.

15. Mel'nikova S. V. Obraz goroda i ego funkcionirovanie v kul'turno-istoricheskom kontekste: k postanovke problemy (na primere Ekaterinburga) = The image of the city and its functioning in a cultural and his-

torical context: to the formulation of the problem (on the example of Yekaterinburg) / S. V. Mel'nikova, O. S. Porshneva // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 3: Obshhestvennye nauki*. 2016. № 11 (4). S. 166–172.

16. Mitin I. Na puti k voobrazhaemoj geografii: dva povorota, tri prostranstva = Towards imaginary geography: two turns, three spaces // *Topos. Literaturno-filosofskij zhurnal*. 2011. № 1. S. 62–73.

17. Ozhe M. Ne-mesta. Vvedenie v antropologiju gipermoderna = Non-places. Introduction to hypermodern anthropology / per. s fr. A. Ju. Konnova. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 136 s.

18. Speshilova E. I. Urban imaginary v kontekste issledovanij gorodskoj sredy = Urban imaginary in the context of urban environment research // *ИПАЭНМА. Problemy vizual'noj semiotiki*. 2023. № 4 (38). S. 60–79.

19. Speshilova E. I. Kul'turnoe prostranstvo goroda: perekrest'ja social'nogo i geograficheskogo voobrazhenija = Cultural space of the city: crosshairs of social and geographical imagination // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija*. 2025. T. 19, № 1. S. 105–113.

20. Stepanov S. Ju. Koncept = Soncept // *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury*. Moskva : Akademicheskij proekt, 2001. S. 43–80.

21. Stjopin V. S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija = Classical, non-classical, post-classical: discrimination criteria // *Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura*. Sankt-Peterburg : Izdatel'skij dom «Mir», 2009. S. 249–295.

22. Suvorov N. N. Nastuplenie voobrazhaemogo: voobrazhaemoe kak fenomen kul'tury = The coming of the imaginary: imaginary as a cultural phenomenon // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2016. № 2 (27). S. 73–81.

23. Fedotova N. G. Urban imaginary kak simvolicheskij kapital goroda = Urban imaginary as symbolic capital of the city // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2018. № 2. S. 228–233. <https://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-20033>.

24. Fedotova N. G. Pravoslavnye obrazy v gorodskom voobrazhaemom Velikogo Novgoroda = Orthodox images in the urban imaginary of Veliky Novgorod // *Vizual'naja teologija*. 2024. T. 6, № 2. S. 368–381. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-368-381>.

25. Shlemova N. N. Cifrovye formy reprezentacii simvolicheskikh kodov Cheljabinska = Digital forms in representing Chelyabinsk symbolic codes // *Urbis et Orbis. Mikroistorija i semiotika goroda*. 2025. T. 5, № 1. S. 115–130. [https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5\(1\)-115-130](https://doi.org/10.34680/urbis-2025-5(1)-115-130).

26. Jeko U. Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju = Missing structure. Introduction to Semiology. Sankt-Peterburg : Symposium, 2006. 544 s.

27. Barthes R. Semiology and the urban // *Rethinking architecture*. London, New York: Routledge, 1997. P. 158–164.

28. Bonakdar A., Audirac I. City Planning, Urban Imaginary, and the Branded Space: Untangling the Role of City Plans in Shaping Dallas's Urban Imaginaries // *Cities*. 2021. 117. 103315.

29. Chartier D. Qu'est-ce que l'imaginaire du Nord? Principes éthiques // *Montréal et Harstad (Norvège), Imaginaire Nord et Arctic Arts Summit*, coll. «Isberg». 2018. P. 157–160.

30. Delorme P. De l'école de Chicago à l'imaginaire urbain // *La ville autrement*. Québec : Presses de l'Université du Québec, 2005. P. 9–27.

31. Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris : Presses universitaires de France, 1963. 550 p.

32. Huyssen A. (Ed.). Other Cities, Other Worlds. Urban Imaginaries in a Globalizing Age. Durham : Duke University Press, 2008. 336 p.

33. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris : Anthropos, 1974. 485 p.

34. Lindner Ch., Meissner M. (Eds.). The Routledge Companion to Urban Imaginaries. Ed. by. London, New York : Routledge, 2019. 480 p.

35. Perry N. Ethnography of a Concept: Rethinking the Urban Imaginary // *Hidden Cities: Understanding Urban Popcultures*. Oxford : Inter-Disciplinary Press, 2012. P. 73–83.

36. Soja E. W. Thirdspace. Journey to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Blackwell Publishing, 1996. 334 p.

37. Soja E. W. Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions. Blackwell Publishing, 2000. 462 p.

Статья поступила в редакцию 25.07.2025; одобрена после рецензирования 15.08.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 25.07.2025; approved after reviewing 15.08.2025; accepted for publication 11.09.2025.